

РЕЭМИГРАЦИЯ И РЕПАТРИАЦИЯ В СССР В 1950–1960-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

В. А. Перцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2010 г.

Аннотация: анализируется процесс реэмиграции в СССР бывших соотечественников. Представлены материалы о переселении на постоянное место жительства в Липецкую область граждан других стран. Показаны характерные черты взаимоотношения СССР с другими странами после окончания Второй мировой войны.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, реэмиграция, репатриация, переселенческий отдел, возвращение на Родину, международные контакты, миграция, трудоустройство реэмигрантов, консульская служба, государственная граница, гражданство.

Abstract: the process of re-emigration of the former compatriots to the USSR is analyzed. The materials about the resettlement of citizens of other countries to Lipetsk region are presented. Characteristic features of the relations between the USSR and other countries after the end of the Second World War termination are marked.

Key words: re-emigration, repatriation, colonization department, homecoming, the international contacts, migration, employment re-emigrants, consular service, frontier, citizenship.

Словарь иностранных слов достаточно четко и недвусмысленно раскрывает содержание слова «repatriation» как возвращение эмигрантов в страну их происхождения с восстановлением гражданства. Процессы такого типа на протяжении столетий были свойственны практически для всех стран мира, что можно проследить на основании многочисленных специальных исторических исследований. Однако в отношении Советского Союза в исторической литературе перестроечного времени сложилось устойчивое мнение о том, что для него аналогичные явления были абсолютно не свойственны, что добровольное возвращение в находившееся «за железным занавесом» социалистическое государство, было нежелательно даже для тех, кто принудительно покинул его в суровые годы Великой Отечественной войны. Объяснялось это тем, что возвращавшихся на родину зачастую ожидал не совсем радушный прием с проверочно-фильтрационными лагерями или тюрьмами, принудительными работами, постоянными проверками на «политическую лояльность», а также обязательной графой во всех заполняемых анкетах «О пребывании за границей», в том числе и в качестве «вынужденно интернированного».

Кроме этого, нельзя не согласиться и с такой точкой зрения, что у граждан СССР, несмотря на принятие и реализацию многочисленных законов об амнистии в послевоенные годы, однозначно сохранилось негативное отношение как к тем, кто добровольно сдался в плен в период военных действий, так и к тем гражданам, которые принудительно были вывезены в Германию и работали в 1941–1945 гг. на военных заводах рейха. Поэтому предполагалось, что в дальнейшем в отношении сумевших пережить многочисленные проверки не исключалось использования эпитета «предатель» при получении определенной словесной характеристики. Наличие же такого «пятна в автобиографии» могло сказаться на всем жизненном пути как самих реэмигрантов, так и их детей, что, конечно же, не устраивало многих бывших военнопленных.

Данное обстоятельство было вполне объяснимым. Годы войны явились для советского народа невероятно тяжелым испытанием. Для защиты страны были сконцентрированы все силы и средства. Население и экономика государства понесли колоссальные потери. Поэтому даже малейшее сомнение, малодушие, моральная или физическая слабость, иногда традиционный страх отдельного человека пе-

ред угрозой гибели его самого или его родных воспринимались как переход этого человека «на противоположную сторону», превращение его в «пособника врага». Зная об этом, значительная часть советских граждан, в силу различных обстоятельств оказавшихся в годы войны за рубежом, после освобождения из немецких концентрационных лагерей не спешила возвращаться на родину, а постепенно «оседала» как в европейских странах, так и на других континентах. Это происходило, несмотря на ялтинские решения лидеров антигитлеровской коалиции, предусматривавшие обязательную, можно сказать, принудительную депортацию бывших военнопленных и вывезенных на работы в другие государства на территорию постоянного проживания.

В то же время нельзя не констатировать тот факт, что реэмиграция и репатриация находились в прямой зависимости как от особенностей внутриэкономической обстановки и внутривнутриполитической стабильности в самом Советском государстве, так и от сложившегося отношения к нему иностранных государств.

Политические оценки советского государственного режима начали формироваться задолго до Великой Отечественной войны. Еще в послереволюционные годы, сопровождавшиеся массовыми эмиграциями из Советской России, политические оппоненты внутри страны, а также лидеры противоборствующих капиталистических государств выработали определенную формулу ее политического статуса. Эта формула включала в себя такие негативные характеристики, как политическая и экономическая диктатура, нетерпимое отношение к бывшим аристократическим слоям российского общества, гонения на представителей науки, культуры, искусства, служителей религиозных учреждений. Тем более, что решения руководителей Советского государства того времени содержали многочисленные подтверждения этих нелицеприятных умозаключений. В качестве иллюстративного материала вполне могли выступать такие факты, как высылка из Советского государства «корабля философов», многочисленных политических оппозиционеров, дискуссии в самой ВКП/б/ по поводу методов и темпов построения социализма, зачастую заканчивавшиеся не только административными мерами, но и кровавыми политическими процессами, бегство из страны раскулаченных, репатриация

в фашистскую Германию с последующей передачей в гестапо представителей немецкой социал-демократии, нашедших свое политическое пристанище в СССР в 1930-е гг.

Таким образом, с одной стороны, у правительств и населения иностранных государств формировалось и постоянно укреплялось мнение о том, что заявившее о построении первого в мире социалистического общества Советское государство представляет собой лишь диктаторский вариант политического устройства, выражающийся в отступлении от элементарных общепризнанных моральных норм, прав и свобод, в широчайшем распространении принудительного труда, в отсутствии научных, образовательных и культурных ценностей, в преобладании военно-полицейских методов организации повседневного управления. Отсюда вполне логичным был вывод о том, что значительная, если не сказать преобладающая, часть советского народа постоянно стремилась поскорее и любой ценой покинуть пределы СССР.

С другой стороны, на протяжении 1920–1930-х гг. у населения многих средне- и слабообразованных стран сформировалось абсолютно иное мнение. Суть его заключалась в признании Советского Союза противоположным полюсом мирового развития, способным не только соперничать с ведущими капиталистическими странами в военной сфере, но и оказать экономическую и военную помощь развивающимся государствам, обеспечить их национальную независимость и процветание. В связи с этим горячий отклик и поддержку находили многочисленные миролюбивые заявления и инициативы советского правительства.

Так, в середине 1930-х гг. в связи с усилением угрозы новой мировой войны советское правительство очередной раз подтвердило свои миролюбивые намерения, заявив о стремлении стать центром притяжения всех антифашистских сил. Поэтому участие СССР наряду с другими странами Европы в беспрецедентной по своему значению акции «Дети, бегущие от грозы», направленной на спасение испанских детей, явилось убедительным примером гуманистического отношения советского народа не только конкретно к детям Испании, но и ко всем гражданам, пострадавшим от фашистской агрессии.

Вторая мировая война кардинально изменила расстановку политических акцентов. США и Великобритания начали восприни-

мать СССР не только как непримиримого идеологического противника, но и как перспективного военного союзника в организации коллективного отпора фашизму. Это выразилось в дальнейшем в складывании и успешной совместной деятельности антигитлеровской коалиции.

Война привела к масштабным миграционным процессам, происходившим как в межгосударственном отношении, так и в пределах отдельных стран. На территории Советского Союза оказались многочисленные группы граждан европейских стран, добровольно или вынужденно эвакуированных из зон военных действий, эмигранты, нашедшие в советской стране свое политическое убежище. Кроме этого была создана разветвленная сеть концентрационных лагерей для бывших военнослужащих немецкой армии и стран-сателлитов Германии.

После окончания военных действий перемещение огромных групп населения не прекратилось. Перемещались значительные группы военнослужащих, происходили массовые возвращения на родину военнопленных, переселялись политические эмигранты и население, оказавшееся в военное время за пределами своего государства. В Советское государство возвратились даже отдельные эмигранты 1917–1920-х гг., поверив в то, что обстановка в СССР значительно изменилась, и он является уже совершенно другим государством, нежели Советская Россия в первые послереволюционные годы. В Советском Союзе они фактически видели продолжение традиций «великой и неделимой», отмечали тот факт, что после победы во Второй мировой войне в стране возникла и функционировала качественно иная политическая и экономическая система, сформировались устойчивые социальные и культурно-исторические традиции. В то же время в последующем для большинства реэмигрантов возвращение на родину и признание полноправными гражданами затянулось на длительные годы и сопровождалось многочисленными проверками, перепроверками и согласованиями, а некоторые после проведенных расследований оказались в тюрьмах и лагерях.

Преодоление последствий Великой Отечественной войны, связанное с массовой репатриацией и реэмиграцией, продолжалось до начала 1950-х гг. Нельзя сказать, что повсеместно, во всех республиках СССР, эти про-

цессы происходили абсолютно идентично. Так, 19 октября 1946 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому «лица армянской национальности, возвращающиеся из-за границы на родину в Советскую Армению, признаются гражданами СССР с момента прибытия их в СССР» [1, л. 4], хотя на практике зачастую все оказывалось совершенно иначе.

Изменение расстановки политических и военных сил в мире после окончания Второй мировой войны, начало формирования «социалистического лагеря» способствовали дальнейшему изменению отношения к Советскому государству на протяжении 1950–1960-х гг. – постепенно обострялась «холодная война». Однако начало «хрущевской оттепели», ликвидация ГУЛАГа, реабилитация жертв политических репрессий 1920–1930-х гг., зарождение правозащитного и диссидентского движения вызвали к жизни и другие процессы. Всё большую актуальность приобретал вопрос о политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между капиталистическими и социалистическими странами. Мировой порядок стал восприниматься как единое целое. В межгосударственных отношениях проявилась новая тенденция, заключавшаяся в добровольном переселении в СССР граждан иностранных государств.

Неоднозначность политического значения данной проблемы определила некоторую научную закрытость ее рассмотрения в исторической литературе. Исследования послевоенного периода зачастую ограничивались констатацией самого факта добровольной и принудительной репатриации и реэмиграции, в то же время практически отсутствовал детальный научный анализ происходивших процессов. Для большей убедительности использовался статистический материал и отдельные воспоминания, переписка бывших эмигрантов.

Ситуация кардинально изменилась в конце XX в. В свет вышли многочисленные издания, посвященные изучению проблем как российской эмиграции, так и сюжетов, связанных с возвращением бывших эмигрантов на свою родину. Среди аналогичных исследований можно назвать работы таких авторов, как В. А. Ионцев [2], В. М. Кабузан [3], В. А. Моденов [4], А. А. Пронин [5], Н. Д. Толстой [6], А. В. Окороков [7]. Данные исследователи не только определили новаторскую научную тему, но и смогли выработать объективные и

убедительные выводы и оценки. Тем не менее нельзя сказать о том, что обозначенное направление уже прошло свой расцвет и достигло этапа угасания, что полностью и всесторонне проработаны все его аспекты. Вне содержания исторических сборников и монографических работ остаются многие интересные и содержательные факты. Аналогичное явление также характерно и для историографии такого немаловажного региона страны, как Центральное Черноземье. В имеющейся краеведческой литературе отражены лишь отдельные сюжеты этой многогранной и сложной проблемы.

В то же время изучение материалов, находящихся на постоянном хранении в фондах Государственного архива Липецкой области, позволяет констатировать, что Центральное Черноземье не являлось исключением в данном процессе. Сохранившиеся источники дают возможность детально проследить как саму процедуру выработки решения о репатриации или реэмиграции, так и все особенности осуществления переезда иностранцев на территорию нашего края.

Перемещение на постоянное место жительства как в целом в Советский Союз, так и в Центрально-Черноземный регион объяснялось самыми различными причинами: реэмиграция с целью объединения семей, заключение браков между гражданами различных стран, переезд престарелых, немощных родителей к своим детям, эмиграция по политическим и религиозным убеждениям.

Сложилась достаточно сложная, но обоснованная с юридической точки зрения процедура организации переселения граждан иностранных государств на постоянное место жительства в СССР. Иностранцы граждане, желавшие переселиться в определенные области Советского Союза, направляли соответствующие заявления в консульскую службу СССР за границей. Представители консульских учреждений после бесед с будущими эмигрантами и реэмигрантами составляли предварительное заключение и через Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР и союзных республик направляли запрос в органы власти по месту предполагаемого расселения иностранцев. Областные переселенческие пункты тщательно прорабатывали информацию, полученную от консульских учреждений. В дальнейшем они встречались с

родственниками будущих эмигрантов, решали с ними вопросы о выделении для переселяющихся из-за границы жилья, а также о предполагаемом трудоустройстве реэмигрантов. Собранные материалы анализировались на заседаниях соответствующих комиссий областных Советов и только после этого принималось окончательное решение и давался официальный ответ.

Реэмиграция и эмиграция граждан иностранных государств сопровождалась их последующим расселением практически по всей территории Советского Союза. Имеющиеся архивные сведения содержат обстоятельную информацию о количественном и профессиональном составе, трудоустройстве и жилищно-бытовых условиях советских граждан, прибывших из-за границы на постоянное место жительства в РСФСР и проживавших на территории Липецкой области (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Состав, трудоустройство и жилищно-бытовые условия советских граждан, прибывших из-за границы на территорию Липецкой области в конце 1950-х – 1960-е гг. (на 1 января) [1, лл. 3–6; 9, лл. 1–2]

	1959 г.	1960 г.	1963 г.	1966 г.
Всего проживает семей	13	16	18	15
Из них прибыло в предшествующем году	–	3	2	1
Общее количество членов семьи	26	29	38	33
Количество граждан, нуждающихся в трудоустройстве	17	14	18	16
В том числе трудоустроено	17	14	16	15
Из них глав семей	13	11	14	9
Всего детей школьного возраста	2	2	4	4
Из них посещают школы	2	2	4	4
Количество семей, не обеспеченных квартирами	–	–	1	1
Количество семей, получивших кредит на строительство домов и хозяйственное обустройство	2	2	1	1
Выдано кредитов (общая сумма)	5	5	3	4
Количество семей, получивших единовременную денежную помощь	7	3	2	4
Общая сумма выданной денежной помощи, тыс. руб.	3	4	2	5

Данные табл. 1 свидетельствуют о постоянно сохранявшейся тенденции к появлению новых граждан, желавших переселиться на постоянное место жительства в Липецкую область. К аналогичному выводу можно прийти, рассматривая такие же материалы по другим

областям РСФСР, например Московской (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

О трудоустройстве и расселении советских граждан, прибывших на постоянное место жительства в Московскую область в 1969 г. (на 1 января) [1, лл. 4–6]

Всего проживает семей	101
Из них прибыли в 1959 г.	3
Общее количество членов семей	159
Из них нуждаются в трудоустройстве	101
Трудоустроено	101
Из них глав семей	74
Всего детей школьного возраста	31
Из них посещают школы	29

На постоянное место жительства репатрианты и реэмигранты прибывали из самых разных государств: из Германии и Австрии, Франции и США, Аргентины и Уругвая, Италии и Испании, Китая и Ирана, Болгарии и Финляндии и других стран. Так, П. И. Алексеев (1904 г.р.) прибыл в Липецкую область в 1947 г. из Франции; Н. А. Рукин (1902 г.р.) – в 1947 г. из Италии; Р. И. Болодис (1903 г.р.) – в 1932 г. из США; Н. И. Фалеев (1908 г.р.) – в 1956 г. из Канады; В. И. Щекланов (1919 г.р.) – в 1958 г. из ФРГ; С. Ф. Собченко (1902 г.р.) – в 1948 г. из Чехословакии [1, лл. 16–18].

На территорию Липецкой области переселялись также бывшие иностранные граждане, проживавшие ранее в других регионах СССР. В 1960 г. в Липецкую область на постоянное место жительства переехали две семьи из других областей РСФСР. Так, гражданин Н. А. Касаткин (1921 г.р.), проживавший ранее во Франции, прибыл из Тамбовской области и поселился с семьей в Хлевенском районе в селе Конь-Колодезь, был трудоустроен механиком в ДСР № 3. Гражданин Н. А. Лесков (1904 г.р.), инвалид II группы, проживавший ранее в Китае, переехал в г. Липецк из Челябинской области [1, лл. 7–9].

В качестве повода для внутригосударственной миграции репатрианты называли самые различные причины. Это мог быть возврат на места раннего проживания, переезд к детям престарелых родителей, переселение женщин, вышедших замуж, к мужьям, переселение с целью дальнейшего трудоустройства в соответствии с полученной специальностью.

Анализ заявлений, поданных в консульские учреждения СССР за границей, позволяет констатировать, что нередкими были и

такие причины, как эмиграция в Советский Союз по политическим мотивам. В частности, некоторые эмигранты открыто заявляли об угрозе для жизни их самих и членов их семей, возникшей вследствие политических преследований.

Так, в 1957 г. в Липецкую область по политическим мотивам эмигрировал член коммунистической партии Италии Наппо Александро, который после переезда в город Липецк был трудоустроен на постоянную работу на Липецкий хлебозавод. Его заработок составлял 65 руб. в месяц. На иждивении у него находились жена и трое детей школьного возраста [1, л. 45].

В качестве главной причины для переезда нередко назывались и другие обстоятельства. В августе 1960 г. председателю Липецкого облисполкома Н. С. Пашкину консульским отделом посольства СССР в ГДР было направлено ходатайство жительницы Западного Берлина В. Л. Гейн о выезде в Советский Союз на постоянное место жительства. В представленных документах говорилось: «Гейн Вильгельмина Людвиговна родилась в 1868 г. в городе Ленинграде, немка, в настоящее время пенсионерка. До 1933 г. проживала в СССР, а затем уехала в Германию. В городе Липецке проживает ее дочь В. Л. Аренсон, которая приглашает мать к себе на жительство». Консульский отдел посольства СССР в Германии, учитывая преклонный возраст В. Л. Гейн и то, что она проживает в Германии одна, просил администрацию Липецкой области удовлетворить данное ходатайство. При рассмотрении заявления председателем облисполкома Липецкой области на документе была наложена резолюция: «Проверьте материальное положение и жилищное состояние гражданки Аренсон, возьмите от нее заявление и согласие принять на содержание свою мать». Начальником отдела переселения и организованного набора рабочих при Липецком облисполкоме была создана специальная комиссия, по результатам работы которой 6 сентября 1960 г. от В. Л. Аренсон было получено заявление следующего содержания: «Я выражаю свое полное согласие на переезд моей матери в г. Липецк. Одновременно с этим я считаю желательным ее приезд в начале февраля будущего 1961 г., так как к этому времени должны измениться наши жилищные условия». Через несколько месяцев гражданка Германии В. Л. Гейн прибы-

ла на постоянное место жительства в г. Липецк [1, лл. 24–27].

Сохранились также документы совершенно иного характера. Так, Консульское управление МИД СССР 5 ноября 1960 г. запросило Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР о возможности трудоустройства и обеспечения жилплощадью гражданки Венгерской Народной Республики Эрики Арминовны Келемен. Она родилась в 1933 г. в г. Будапеште в семье учителя, по национальности венгерка, получила среднее медицинское образование. Отец Э. А. Келемен, после поражения Венгерской Советской Республики, подвергался преследованиям со стороны хортистов, а в 1944 г. был угнан в Германию, где погиб в концлагере Аушвиц. В своем заявлении Э. А. Келемен написала следующее: «Мой отец с детства привил мне любовь не только к русскому языку, которым я владею в совершенстве, но и передал мне свои коммунистические взгляды и глубокую убежденность в том, что моя родина – СССР. Он мне говорил: «Твой отец боролся и страдал за Советскую власть, если и ты пойдешь по этому пути, то Советский Союз непременно примет тебя к себе». Целью моей жизни было и остается навсегда поехать домой в Советский Союз. Профессию я себе выбрала такую, чтобы быть полезной в Советском Союзе. Готова поехать работать на любой самый трудный участок строительства, где я могла бы принести пользу» [1, лл. 27–31]. Ходатайство Консульского управления было направлено в Отдел переселения и организованного набора рабочих при Липецком облисполкоме, который переправил его заместителю заведующего Липецким облздравотделом В. Лештану. На данный запрос в декабре 1960 г. был подготовлен ответ следующего содержания: «Липецкий облздравотдел на Ваше письмо сообщает, что имеется возможность предоставить работу по специальности гражданке Венгрии Э. А. Келемен с обеспечением места в общежитии». Архивные материалы позволяют проследить процесс реализации выданных обещаний. Согласно им в начале 1961 г. Э. А. Келемен пересекла Государственную границу СССР, направилась в г. Липецк и была расселена в одном из рабочих общежитий. Вскоре ей была предоставлена возможность для трудоустройства в одном из лечебно-профилактических учреждений г. Липецка [1, лл. 31–33].

В апреле 1961 г. на постоянное место жительства в Липецкую область из Ирана прибыла семья гражданки Марии Ивановны Триандафилидис (1902 г.р.) с двумя ее воспитанниками: Алексеем Михайловичем Курбалидис (1939 г.р.), по специальности фотограф-ретушер, и Георгием Михайловичем Курбалидис (1943 г.р.), по специальности техник-проектировщик. В годы Великой Отечественной войны данная семья эмигрировала из Прибалтики на Ближний Восток. После смерти отца было принято решение о возвращении на постоянное место жительства в Советский Союз. Переселившиеся были направлены в г. Усмань и трудоустроены по специальности, а 30 июня 1961 г. им была предоставлена коммунальная квартира. Осенью 1961 г. сотрудник отдела переселения и организованного набора рабочих при Липецком облисполкоме, побывавший в г. Усмань и обследовавший условия жизни данной семьи, сообщил: «Несмотря на трудности, связанные с переездом и обустройством на новом месте жительства, фактов отрицательного отношения к производственной и общественной жизни у Курбалидис не наблюдается» [1, лл. 32–33].

10 апреля 1961 г. в консульский отдел советского посольства в Уругвае поступило заявление Василия Петровича Климова (1904 г.р.), уроженца с. Патриаршее Донского района Липецкой области. В заявлении и представленной анкете переселенца указывалось, что В. П. Климов является выходцем «...из крестьян, малограмотный, шахтер, женат». В заявлении также содержались другие сведения о жизни и деятельности В. П. Климова. С 1922 по 1935 г. он работал шахтером в Донбассе, а с 1935 по 1938 г. – шахтером в Московском угольном бассейне, на шахте № 16 (ст. Щепино). В 1941 г. был мобилизован в армию и направлен на фронт. В 1942 г. под г. Старая Русса, будучи раненым, попал в плен, после чего в 1943 г. был направлен в Италию. В декабре 1943 г. бежал из плена и оказался в партизанской бригаде имени Гарибальди, в которой находился до окончания войны. В 1945 г. выехал в Бразилию, где проживал до 1961 г., занимаясь случайными заработками. После положительного решения вопроса о переселении В. П. Климова в Советский Союз его семья была направлена в г. Липецк, а сам В. П. Климов устроился на работу на Новолипецкий металлургический завод [1, лл. 47–48; 8, л. 4].

Весной 1961 г. на постоянное место жительства в Липецкую область переехала гражданка Израиля Мария Хлопеевна Гайтгаем (в дев. – Карцева, 1933 г.р.), уроженка с. Стегаловки Долгоруковского района Липецкой области. Она рано потеряла родителей и в 1941–1945 гг. находилась в детском доме. После войны она вышла замуж за поляка и выехала в Польшу, а затем переехала в Израиль. В 1961 г. по приглашению брата М. Х. Гайтгаем вновь возвратилась к себе на родину [8, л. 5; 9, лл. 12–13].

В 1962 г. на постоянное жительство к мужу И. С. Чаусову в г. Липецк переехала гражданка Германии Ирмагд Чансова (урожд. Гельбиг, 1939 г.р.). Она проживала в г. Пистерлиц (Виттенберг, округ Галле), рано лишилась матери и воспитывалась в детском доме. В 1958 г. поступила в педагогический институт в Потсдаме. Будучи в 1960 г. в СССР в качестве туристки, познакомилась и вступила в брак с гражданином СССР И. С. Чаусовым, проживавшим в г. Липецке. По приглашению супруга она переселилась в Липецкую область [1, лл. 35–36].

Кроме этого в г. Липецке с 1937 г. постоянно проживал уроженец г. Бильбао в Испании Бильбао Мануэль (1934 г.р.), оказавшийся в СССР в результате осуществления международной акции «Дети, бегущие от грозы» [1, л. 49]. Длительное время он работал на Новолипецком металлургическом заводе.

Для регулирования процесса перемещения репатриантов по территории СССР, а также для быстрого их устройства на новом месте жительства была разработана многоплановая программа осуществления контроля за пребыванием возвращавшихся на родину советских граждан. Она включала в себя постоянную регистрацию репатриантов, начиная от места пересечения Государственной границы СССР и заканчивая отметками о прибытии на постоянное место жительства в пункты следования. Так, 19 сентября 1960 г. из пункта приема репатрированных и реэмигрированных граждан отдела организационного набора и переселения Закарпатского облисполкома, располагавшегося на станции Чоп, в исполком Липецкого областного Совета поступило сообщение № 367, в котором говорилось следующее: «Сообщаем, что гражданин Пигин Яков Григорьевич с семьей в составе трех человек, прибывший из Австралии, проследовал 16 октября 1960 г. через станцию Чоп в

направлении на город Елец для постоянного места жительства по адресу: Кирпичный завод № 2, дом № 18» [1, л. 51]. Несколько позже, 1 октября 1960 г., уже из г. Липецка начальнику Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР заведующий отделом переселения и оргнабора рабочих по Липецкой области В. Михин сообщал: «Пигин Я. Г. с женой и дочкой проживают в Липецке. Глава семьи скоро будет трудоустроен» [1, лл. 52–53]. В последующем сотрудники отдела переселения и организованного набора рабочих постоянно интересовались условиями жизни репатриантов, их материальным положением, работой.

Для своевременного оформления всех необходимых для жизни и деятельности репатриантов документов были разработаны и утверждены разнообразные нормативные документы. В частности, 2 декабря 1959 г. начальник Консульского управления МИД СССР А. Бласов направил в Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР инструктивное письмо «О порядке легализации документов, относящихся к назначению пенсий гражданам, прибывшим из-за границы в СССР» [8, лл. 5–6]. В этом письме указывалось, что не требуется легализация для документов о трудовом стаже или для других документов, относящихся к назначению пенсий, если такие документы выданы властями Китайской, Монгольской, Венгерской, Польской и Румынской Народных Республик, Чехословацкой Республики, Народной Республрики Албании и Болгарии, КНДР, ГДР, Демократической Республики Вьетнам и Федеративной Народной Республики Югославии, а также властями, действовавшими ранее на территории перечисленных республик. Документы других стран подлежали легализации. Их следовало направлять в Консульское управление МИД СССР, а оно уже направляло документы в посольства, миссии или консульства СССР за границей для последующей легализации их у иностранных властей. Естественно, что на пересылку документов и на их легализацию в иностранных государствах требовалось определенное время, поэтому процесс оформления пенсий и их последующая выдача репатриантам затягивались на месяцы и годы.

О результативности работы местных органов власти и управления по созданию необхо-

димых условий для обустройства репатриантов можно судить на основании докладной записки, направленной из г. Липецка начальнику Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР М. М. Полякову в 1960 г. В ней сообщалось: «Все трудоспособные граждане, прибывшие из-за границы на постоянное место жительства в РСФСР и проживающие на территории Липецкой области, трудоустроены с учетом имеющихся у них специальностей. Граждане, достигшие престарелого возраста, обеспечены пенсией. Так, С. Г. Малявкин получает пенсию в размере 520 руб., А. Н. Мацей – 830 руб., Н. А. Лесков – 330 руб., А. А. Обухов – 520 руб., Е. М. Дронов – 111 руб. Все семьи и одинокие граждане обеспечены жилой площадью в ведомственных и коммунальных квартирах. Отдел поддерживает постоянный контакт со всеми гражданами, вернувшимися из-за границы и проживающими в настоящее время в Липецкой области, периодически проверяет их бытовые и жилищные условия, оказывает помощь в трудоустройстве, оформлении пенсий, ремонте квартир и т.п. Так, например, в 1960 г. гражданину Р. Е. Дронову отдел оказал содействие через Липецкий облпотребсоюз в приобретении строительных материалов для окончания строительства дома. А. А. Обухову, работающему инженером на Лебедянском чугунолитейном заводе (ныне пенсионер), оказано содействие в ремонте квартиры и в приобретении материалов на крышу сарая. В 1960 г. прибыла из-за границы, в порядке репатриации, гражданка Павловская Роза Федоровна, 1933 года рождения, уроженка г. Липецка, которая имеет специальность зоотехника. Благодаря действиям сотрудников отдела З. Ф. Павловская трудоустроена и в настоящее время трудится зоотехником в колхозе «Великий Октябрь» Усманского района. Случаев обратных выездов за границу как в 1959 г., так и в 1960 г. не было» [1, лл. 57–61].

Для оказания материальной помощи особо нуждавшимся семьям советских граждан, возвратившихся из-за границы на родину, Постановлением Совета Министров РСФСР от 8 марта 1957 г. № 98 Главному управлению переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР было предоставлено право оказывать в необходимых случаях единовременную помощь в размере 1000 руб. за счет средств местных бюджетов

и за счет сметы операционных затрат по Главному управлению [9, лл. 17–19].

В подготовленной заместителем начальника Главного управления Н. Симановым для областных и краевых отделов переселения и оргнабора рабочих «Инструкции об оказании материальной помощи советским гражданам, вернувшимся из-за границы или отставшим в пути» указывалось: «Главное управление обязывает Вас производить тщательное обследование материального положения семей, подавших заявление об оказании материальной помощи, привлекая к этой работе депутатов районного или сельского Советов, после чего вносить свои предложения по этому вопросу в местные советские органы. В Главное управление направлять материалы только в том случае, если отсутствует возможность в оказании единовременной помощи на месте» [8, лл. 21–26]. Выполняя данное решение, Липецкий облисполком 19 января 1962 г. принял постановление об оказании материальной помощи иностранным гражданам, переехавшим на постоянное место жительства в Липецкую область. Утвержденный список включал в себя более 30 фамилий с указанием сумм денежных выплат каждому. А. Наппо должен был получить 100 руб., А. М. Курбалидис – 100 руб., Н. А. Лесков – 30 руб., В. Ф. Римша – 50 руб. [1, лл. 23–26].

Забота о репатриантах со стороны органов местной власти проявлялась также и в последующие годы. В служебной записке, направленной сотрудниками отдела переселения и организованного набора рабочих председателю Липецкого горисполкома А. Н. Никитину 22 июля 1967 г., говорилось: «Отдел поддерживает тесный контакт с прибывшими из-за границы гражданами, интересуется условиями их труда и быта, оказывает посильную помощь в решении целого ряда вопросов. Например, в 1966 г. по ходатайству отдела гражданке Г. П. Лесковой Главным управлением переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР была оказана большая материальная помощь. По просьбе отдела улучшены квартирные условия Гоци Герасимовича Янева, прибывшего в г. Липецк из Болгарии. По заявлению отдела за репатрианткой из Китая Г. П. Лесковой была дополнительно закреплена комната площадью 11 кв. м по ул. Гагарина» [9, лл. 9–11].

В то же время, как можно судить на основании материалов архива, этих сумм было

явно недостаточно для создания комфортных условий для проживания большинства репатриантов. Сохранилось заявление, направленное 9 января 1962 г. председателю Липецкого облисполкома Никулину репатриантом А. М. Курбалидисом, проживавшим в г. Усмань, в котором говорилось следующее: «Я, мой брат Георгий и наша воспитательница переехали на постоянное место жительства в г. Усмань. По приезду нас встретили хорошо, предоставили хорошую квартиру в новом строении – 24-квартирном доме. Но плохо тем, что мы вошли в эту квартиру, а обстановки в ней нет никакой. Спим мы с братом на деревянных топчанах, так как мебели нет, а также совсем нет и посуды. Заработка нашего хватает нам только на питание и лечение воспитательницы. Нет ни зимней одежды, ни обуви, так как мы приехали из Ирана, где зимы нет. Из вышеизложенного убедительно просим Вас оказать нам помощь в денежном выражении для приобретения необходимой обуви и мебели» [1, лл. 86–88]. Как следует из отчета, направленного в дальнейшем из г. Усмань в отдел по переселению и организованному набору рабочих, братьям была не только оказана материальная помощь, но и доставлены необходимые мебель и посуда.

Наличие такого рода заявлений заставляет задуматься о том, насколько приемлемым для репатриантов был их новый, не всегда обустроенный образ жизни. Ведь для них специально не создавались «тепличные» условия проживания и обеспечения, работали они преимущественно не «на руководящих должностях», а выполняли зачастую малоквалифицированную тяжелую работу. Понятно, что открыто высказывать претензии к местным органам власти или выступать с критикой условий проживания и трудовой деятельности они не могли. Но ведь были и другие способы изменить их сформировавшийся жизненный уклад в РСФСР, например, вновь выехать за границу. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что такие мысли у реэмигрантов и репатриантов не возникали. Так, в сводке Липецкого областного отдела переселения и организованного набора рабочих, направленной 17 января 1965 г. в Главное управление данной организации, указывалось: «Семья Наппо Алесандро, выехавшая в отпуск в Италию в 1964 г., благополучно вернулась в г. Липецк» [1, л. 64].

Аналогичные сведения сохранились и в отношении некоторых других репатриантов.

Можно предположить, что для многих бывших граждан иностранных государств СССР в 1950–1960-е гг. стал означать несколько большее, чем просто место нового пристанища. Они планировали здесь жить и работать, растить детей. В то же время нельзя считать, что Советское государство представлялось неким «райским уголком» планеты, в котором хотели бы оказаться все бывшие россияне, проживавшие за границей. К такому выводу заставляют прийти заключительные фразы, содержащиеся в отчетных документах Липецкого отдела переселения и организованного набора рабочих за 1966–1968 гг.: «В консульских отделах СССР заявлений граждан о репатриации и реэмиграции в Советский Союз нет», а также: «В Липецкую область в текущем году репатриантов из-за границы не поступало. Новых заявлений о реэмиграции нет» [1, л. 89].

Отсутствие новых групп реэмигрантов и репатриантов, стремившихся попасть в СССР в середине 1960-х гг., можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, к данному времени, в основном, были преодолены миграционные процессы, вызванные периодом Великой Отечественной войны. И, во-вторых, тем, что именно в эти годы значительно изменилась политическая обстановка в самом Советском Союзе. На смену «оттепели» постепенно приходил период политической обособленности и социально-экономической изолированности, несмотря на все более расширяющийся состав стран «социалистического лагеря». А это, в свою очередь, кардинально изменило отношение к Советскому государству не только со стороны политического руководства зарубежных государств, но и со стороны многих россиян, проживавших в этих странах и задумывавшихся о возможности переезда в Советский Союз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). – Ф. Р-633. – Оп. 1. – Д. 19.
2. *Ионцев В. А.* Мировые миграции / В. А. Ионцев. – М.: Знание, 1992.
3. *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII– начале XX века / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1998.
4. *Моденов В. А.* Россия и миграция: история, реальность, перспективы / В. А. Моденов, А. Г. Носов. – М.: Прометей, 2002.

5. *Пронин А. А.* Историография российской эмиграции / А. А. Пронин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

6. *Толстой Н. Д.* Жертвы Ялты : [о насильственной репатриации советских граждан после Второй мировой войны] : пер. с англ. / Н. Д. Толстой. – М. : Русский путь, 1996.

7. *Ожороков А. В.* Русская эмиграция : политические, военно-политические и военные организации 1920–1990 гг. / А. В. Ожороков. – М. : Авуар Консалтинг, 2003.

8. ГАЛЮ. – Ф.Р-633. – Оп. 1. – Д. 35.

9. ГАЛЮ. – Ф.Р-633. – Оп. 1. – Д. 42.

Воронежский государственный университет

Перцев В. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и историографии

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Тел.: (4732) 39-29-35

Voronezh State University

Pertsev V. A., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the Modern History of Russia and Historical Records Department

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Tel.: (4732) 39-29-35